

УДК 811.11-112
ББК 81

Ю.И. Детинко
Е.Ю. Микалаускайте

ДИСКУРСИВНЫЕ ГРАНИЦЫ «ЧУЖОГО» В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРНО- НАРРАТИВНОЙ КОММУ- НИКАЦИИ*

Статья посвящена исследованию оппозиции «свой – чужой» в рамках теории межкультурной коммуникации. Материал исследования – роман «Die undankbare Fremde» И. Брежна, которая пережила опыт миграции в чужую страну. Повествователь в романе описывает свое и чужое пространство с помощью дискурсивных границ, в роли которых выступают языковой барьер, отношение ко времени и пространству. Осваивая чужеродные модели культурного поведения, герой способен пересечь дискурсивную границу, тем самым расширив пространство «своего».

Ключевые слова: *литературно-нарративная коммуникация, чужеродность, «свой – чужой», дискурсивная граница.*

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-84-93

Детинко Юлия Ивановна – канд. филол. наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета
Тел.: 8-962-083-12-08
E-mail: julia_detinko@mail.ru

Микалаускайте Елизавета Юлипонасовна – магистрант по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета
Тел.: 8-923-015-05-45
E-mail: emikalauskaite@yandex.ru

© Детинко Ю.И.,
Микалаускайте Е.Ю. 2016.

Проблема «своего» и «чужого» довольно широко дискутировалась в работах З. Баумана, Ч. Кули, К. Маркса, Дж. Мида, А. Шюца, и др. [Диспозиция, 2007]. Термин «чужой» представляет собой одно из основных понятий в области социологии и является продуктом междисциплинарного подхода постмодернистов и культурологов [Riggins, p. 3]. «Чужие» – это концепт, реализующийся на разных уровнях существования общества, включенный в разнообразные бытовые, культовые, государственные и прочие ситуации и представляющий особую социальную позицию, необходимость которой оказывается предусмотренной в обществе» [Лотман, Успенский, с. 114]. Выделяется ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;

2) у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;

3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;

4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп [Gudykunst, p. 71];

5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;

* Исследование выполнено при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы».

6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;

7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Bootzin et al., 1991, цит. по: Леонтович, с. 236].

Содержание феномена чужеродности, представленное оппозицией «свой – чужой» может быть определено как «принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему; относящееся (или не относящееся) к личности говорящего, к группе, к кругу, сообществу, в которые входит говорящий» [Захарова, с. 88 – 89]. Таким образом, для идентификации себя в обществе человек генерирует два вида практик – дискурс различности и дискурс схожести, отвергая или принимая соответствующие характеристики [Уфимцева; Riggins].

С точки зрения психологии, для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя [Шипилов, с. 40], при этом осознание различия возможно уже на чувственном уровне, в то время как осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации [Выготский, 1982, цит. по: Уфимцева, с. 234].

Традиционно отношения чужеродности связаны в основном с межкультурным общением, при этом нужно учитывать, что согласно современной трактовке, межкультурная коммуникация может рассматриваться в узком и широком смысле. Под межкультурной коммуникацией в широком смысле понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ; в узком смысле межкультурная коммуникация рассматривает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций. Л.В. Куликова отмечает, что «межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т.д.) [Куликова, с. 29 – 30]. Иными словами, в рамках одной лингвокультуры также возможны отношения чужеродности, поскольку «своя» культура не является гомогенной средой и в ней тоже присутствует компонент «чужого». Задействуя различные парадигмы, на это указывают в своих исследованиях Б. Вальденфельс, используя термин «"Чужест" внутри Родного мира» [Вальденфельс, с. 81]; Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, говоря о том, что в русской культуре «чужими» по отношению к народу считали себя, например, представители интеллигенции [Лотман, Успенский, с. 121]. А. Шюц выделяет специальную категорию – «чужак». В качестве «чужака» может выступать, с одной стороны, иммигрант, с другой стороны, это может быть претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью девушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, поселяющийся в сельской местности, «призывник», уходящий на службу в армию [Шюц, с. 533]. В этом смысле чужеродным

может восприниматься любая социальная, статусная или даже половозрастная группа: мужчины для женщин, богатые для бедных, молодые для стариков, работодатели для наемных рабочих и т.д. Чаще всего, границы группы, с которой человек себя идентифицирует, четко очерчены. При этом различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» [Колосов].

За более «радикальным» примером отношений чужеродности в рамках одной лингвокультуры можно обратиться к исследованиям народов, разьединенных в силу исторических событий несколько десятилетий назад, а сейчас вновь объединившихся. Так, Л.В. Куликова анализирует ситуацию в современной Германии, где, несмотря на объединение западной и восточной частей страны, проблема «внутреннего единства» долгое время оставалась актуальной как среди политиков, так и среди населения [Куликова, с. 142]. То есть будучи по сути одной страной, говоря на одном языке, людей разделяет ментальная граница между двумя идентичностями, что порождает отношения чужеродности. При этом проявляется важная составляющая отношения к «чужим», когда «чужой» – это «тот, по отношению к кому я чувствую превосходство или подчинение» [Galasin'ska, Galasin'ski, p. 850]. Г. Мааз, описывая особенности общения между представителями восточных и западных немцев, подчеркивает, что восточники постоянно испытывали «ощущение неполноценности и неуверенности в контактах с западными немцами», пройдя «попрошайничество и позу просителя». Тогда как для западников были характерны «щедрость, великодушие, постоянная поза дарителя и учителя, чувство превосходства» [Maaz, 1990, цит. по: Куликова, с. 145].

Интерпретация «чужого» всегда опосредована «своей» позицией. Исходя из утверждения Х. Баузингера о том, что «чужое» является субъективной категорией и, соответственно, чуждо всегда только конкретному лицу [Bausinger, 1988, цит. по: Куликова, с. 52 – 53], необходимо иметь четкое представление о том, к какой группе принадлежит адресант, что позволяет определить контекст общения и проанализировать коммуникативно-прагматическую реализацию замысла отправителя дискурса. Согласно исследованию П. Чилтона, человек на основе когнитивных процессов «располагает» свои аргументы и утверждения относительно других людей, социальных групп, объектов и т.п. в соответствии с тремя измерениями: временем, пространством и модальностью, приближая или отдаляя их по отношению к «себе» [Chilton, 2004, p. 56 – 61]. И в плане порождения, и в плане интерпретации дискурса позиционирование «себя» влияет на понимание позиции «чужого». П. Чилтон и К. Шэффнер отмечают, что такое «фиксирование» (anchoring) зависит от когнитивной базы, которая включает общепринятые разделяемые понятия о структуре общества, социальных группах и отношениях с другими обществами [Chilton, Sch ffner, 2002, p. 30 – 31].

Процессу взаимодействия *своего* и *чужого*, его осмыслению и рефлексии посвящен исследуемый в данной работе художественный текст. Автор романа «Die undankbare Fremde» (2012) Ирена Брежна анализирует в тексте ряд ситуаций межкультурного взаимодействия, с которыми она сама столкнулась после миграции вместе с семьей в Швейцарию. Книга представляет собой литературный нарратив, главной задачей которого выступает осмысление пережитого автором опыта. Эта задача реализуется благодаря инструменту художественной переработки опыта, который в данной работе мы называем дискурсивной обработкой. Под этим понятием подразумевается комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации. В тексте такой механизм переработки пережитого реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка.

Сама ситуация межкультурного общения, описанная в романе, позволяет выделить одну из основных функций исследуемого текста – функцию самоидентификации. Героиня пытается определить свое место в мире двух культур: культуры своего народа и культуры новой страны.

На наш взгляд, способ литературно-нарративной коммуникации позволяет этой функции наиболее полно реализоваться по ряду причин. Форма художественной речи, отдаленная во времени от момента переживания ситуации, позволяет автору отобрать и классифицировать событийные элементы, а также осмыслить их и передать в виде художественной речи читателю. Нарратив как повествование, состоящее из хронологически расположенных ситуаций, позволяет расставить выбранные элементы опыта в необходимом автору порядке. Форма перволичного нарратива повышает уровень читательского доверия к автору, который говорит как будто о себе, выражая реально пережитые эмоции.

Процесс самоидентификации героя реализуется в тексте через языковую, культурную и когнитивную репрезентацию собственной личности, а также окружающего мира. Героиня использует оппозицию «свой – чужой» для ответа на вопрос «Кто я?» и «Почему я такой стала?». В тексте столкновение своей и чужеродной культуры представлено в виде реальных пространственных и метафорических дискурсивных границ, разделяющих эти культуры. Под дискурсивной границей мы здесь понимаем ментальную и речеповеденческую линию, определяющую пределы своего и чужого. При описании столкновения с другой культурой нарратор ощущает и демонстрирует присутствие границы. Пересечение такой дискурсивной границы между «своим» и «чужим» расширяет пространство «своего». Если граница остается не пройденной, то человек сохраняет разделение, зачастую это происходит сознательно.

В анализируемом тексте героиня описывает разные формы проявления дискурсивных границ. Первое препятствие – одно из самых оче-

видных в условиях общения разных культур – языковая компетенция. Героиня, ее семья и ее соотечественники вынуждены жить и работать в стране, говорящей на другом языке. Для преодоления языкового барьера и, соответственно, расширения границ «своего» пространства им необходимо овладеть новым языком. Нарратор описывает разные стадии принятия языка представителями своей культуры: многие чужестранцы, приехавшие недавно, не знают языка, поэтому любая коммуникация с официальными представителями государства или с обычными жителями устанавливает непреодолимый барьер. В одной из ситуаций героиня переводит показания осуждаемого соотечественника, говорящего только на родном языке: «*Ich schmücke seine Rede aus, füge „verehrtes Gericht“ und „Eurer wunderbares Land“ hinzu <...> Das fremdartige Pathos weckt jedoch Misstrauen*» [Brežna, S. 20] («Я украшаю его речь, добавляю "высокоуважаемый суд" и "вашу замечательную страну". <...> Однако чужеродный пафос вызывает лишь подозрение» [Брежна, с. 26]). Незнание особенностей стиля чужого языка может направить отношение суда в нежелательную сторону, но героине удается сгладить стилистические ошибки в речи молодого человека за счет использования всех необходимых выражений в ситуации официального общения. Герой не способен преодолеть границу, и это может привести к коммуникативной неудаче, а также помешать достижению целей в социальной жизни. У многих мигрантов нет денег или желания посещать языковые курсы, но такое отношение настраивает окружающих враждебно к ним. Открытое нежелание учить язык может также свидетельствовать об осознанной потребности оставаться в рамках своего языка и культуры: «*In einem halben Jahr hat er es nicht fertiggebracht, einen ganzen Satz in unserer Sprache zu sagen. Das ist Widerstand. Er will nicht hier bleiben, – sagt die Psychologin*» [Brežna, S.117] («Прошло уже полгода, а он на нашем языке двух слов связать не может. У него внутреннее сопротивление. Он не хочет здесь оставаться, – заключает психолог» [Брежна, с.152]). Однако многие люди быстро осваивают язык и благодаря этому лучше ассимилируются в принимающей культуре. Героиня описывает свою подругу: «*Mara hielt den Druck nicht aus, sie fing an, in Dialekt zu redebrechen. Auf der Sprachkreuzung trennten wir uns. Mara tat es nicht aus Sprachlust, sie beschloss bloß, hier anzukommen*» [Brežna, S. 115] («Мара не выдержала давления и начала балакать на диалекте. Языковой перекресток разлучил нас. Диалект не доставлял Маре никакого удовольствия, просто она решила стать здесь своей» [Брежна, с. 150]). Выражение «языковой перекресток» иллюстрирует осознание нарратором этой ментальной линии. Сама главная героиня превосходно овладела не только языком новой страны, но еще несколькими ради работы переводчиком; она тонко чувствует стилистические особенности нового языка, расхождения в диалектах. На уровне социальных взаимодействий ей удалось блестяще преодолеть эту дискурсивную черту языковой компетенции. Однако на более глубоком уровне личного отношения она не приняла чужой язык и старалась это подчеркнуть: «*In den engen Dialekttälern war eine andere Lebenserfahrung kodiert als die meine*

<...> *Der Dialekt war der Geruch der Sippe, ihr Erkennungsmerkmal*» [Brezna, S. 113] («В узких долинах диалектов был закодирован чуждый мне жизненный опыт <...> От диалекта разило клановостью, он был опознавательным знаком» [Брежна, с. 146]). Местные жители сами использовали диалекты для установления границ внутри своего народа, поэтому героиня, не желая присоединяться ни к одному «клану», выбирает для общения чистый литературный язык: «*Ich wollte die Schriftsprache, sie roch nach nichts*» [Brezna, S.113] («Я предпочитала книжный язык, он ничем не пах» [Брежна, с. 147]). Установление оппозиции чужеродности здесь реализовано на лексическом уровне. Слова из семантического поля «чужой», такие как «*fremd*», «*fremdartig*», «*die Sippe*» противопоставлены лексике из поля со значением нейтральности, непредвзятости, беспристрастности: «*leer*», «*weiß getünchtes, mehrstöckiges Haus*» (über die Sprache), а также из поля «свой»: «*Heimat*», «*Muttersprache*». У героини нет такого трепетного отношения к чужой речи, как к звучанию родной: «*ich scheute keine Mühe, sie zu erkunden. Es ging um mehr als ums Überleben als sprachliches Wesen – ich wollte meine Sprachwürde*» [Brezna, S. 114] («я не останавливалась ни перед какими трудностями, чтобы поближе познакомиться с ним. Язык требовался мне только для выживания, важно было не утратить языковой чести» [Брежна, с. 147 – 148]). Здесь героиня сравнивает говорящего человека с музыкальным инструментом, а чужой язык с плохой музыкой: «*Ihr Resonanzboden füllte nicht den ganzen Körper aus wie bei der Muttersprache. Meine Stimme in dieser Sprache war hoch wie die der Kastraten. Ich rief ihr zu, herunterzukommen. Doch sie blieb oben*» [Brezna, S. 114] («Его декой – в отличие от родного языка – было не все тело. Голос мой на этом языке звучал высоко, как у кастратов. Я звала его вниз, но он не спускался» [Брежна, с. 147]). На уровне социального «Я» героиня преодолела дискурсивную границу, но на уровне личного «Я» она осталась в пространстве только своего языка.

Еще одной дискурсивной границей, переход которой приводит к более быстрой адаптации, являются типичные проявления культурных категорий, описанных в теории Э.Т.Холла [Hall, 1990]. Наиболее ярко проявленной в тексте культурной категорией является отношение того или иного народа к пространству. Пространственные рамки буквализируют метафору дискурсивных границ. Описывая различные культурные проявления в разных странах, повествователь использует оппозиции, чтобы наиболее наглядно показать разницу культур. Так происходит и с описанием роли пространства в жизни: «*Die Wiesen waren zerstückelt durch stromgeladene Zäune, Kühe weideten hinter Privat-Schildern. Bei uns gab es weite Felder bis zum Todesstreifen*» [Brezna, S. 22] («Луга огораживала проволока под напряжением, коровы паслись за табличками “Частная собственность”. У нас же поля необозримо простирались до полосы отчуждения» [Брежна, с.30]); «*Bei uns war alles durchlässig, die Türen der öffentlichen Toiletten ließen sich nicht schließen*» [Brezna, S. 35] («У нас все было доступно, даже двери общественных туалетов – и те не закрывались» [Брежна, с. 50]). Значение закрытости-открытости, близ-

кого и далекого выражает антонимическая лексика: «*Privat-Schildern*», «*zerstückeln*», «*Todesstreifen*» vs «*weit*», «*öffentlich*». Территория своего – открытая и широкая, чужое – закрыто, незнакомо и узко. Сам нарратор переносит пространственную метафору на уровень социальных отношений: «*Grenzen überschreitende Gefühle standen im Verdacht, den Privatbesitz enteignen zu wollen <...> Der Körper war Privatbesitz hinter einem unsichtbaren eisernen Vorhang*» [Brezna, S. 22 – 23] («Чувства, выходящие за рамки, вызвали подозрение в желании покуситься на собственность <...> Тело было частной собственностью за незримым железным занавесом» [Брежна, с. 31]). В таком отношении к реальным границам между частной и общественной жизнью, а также к ранее описанным диалектам, проявляется более жестко регламентированная реализация оппозиции «свой – чужой» в принимающей культуре: четко очерчена граница не только между своей и иной культурой, но и внутри своей.

Кроме отношения к пространству дискурсивную границу представляет отношение ко времени: «*Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken. Wer wusste bei uns schon, wann wir gekommen waren und wohin wir gehen würden. Mit Sprüchen haben wir die Zeit vertrödelt*» [Brezna, S. 28] («Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции. Кто у нас знал, когда мы приедем и куда движемся? Время мы тратили на болтовню» [Брежна, с. 39]). Личное отношение героини к таким моделям поведения реализуется в оценочной лексике: «*Stieß ein Gast ungeladen dazu, nannte man es einen Überfall*» [Brezna, S. 29] («приход в гости без предупреждения приравнивался к акту агрессии» [Брежна, с. 41]); «*Aber das Erzählen war sowieso keine einheimische Stärke*» [Brezna, S. 30] («дар рассказчика вообще не относился к достоинствам здешних обитателей» [Брежна, с. 41]); «*Hier herrschte das System, und ich war der pure Zufall*» [Brezna, S. 52] («здесь царила система, а я была чистой случайностью» [Брежна, с. 73]). Широкое употребление оппозиций, антонимической лексики, а также местоименного дейксиса „*wir – sie*“, „*hier – dort*“ иллюстрирует сохранение дискурсивной границы культурных сценариев. Героиня сама вербализует свое желание оставаться перед этой границей, не переходя ее: «*Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Welten geboten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung*» [Brezna, S. 34] («Они раскрыли передо мной лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение» [Брежна, с. 49]). Она не желает преодолевать культурный барьер ни на уровне личного, эмоционального «Я», ни на уровне социального «Я»: «*Ich blieb störrisch und weigerte mich, in der Zwangsehe mit dem Gastland glücklich zu werden*» [Brezna, S. 35] («Но я сопротивлялась и отказывалась видеть счастье в принудительном браке с чужой страной» [Брежна, с. 50]).

Таким образом, оппозиция «свой – чужой», реализующаяся в процессе межкультурного взаимодействия, в тексте репрезентирована в

виде двух пространств: как реальная территория и как ментальный продукт рефлексии. Любая ситуация столкновения с чужим приводит к четкому осознанию препятствия, границы – настоящей пространственной или же ментальной, дискурсивной черты. Такие границы проявляются на разных уровнях социального и культурного общения. Например, необходимость использования чужого языка создаёт у героев романа чувство дискомфорта. Чужестранцы, овладевшие новым языком, переходят этот барьер и расширяют *свое* социальное пространство. Столкновение двух культур, выражающееся в отношении к некоторым культурным параметрам, тоже становится дискурсивной границей, которую многим мигрантам сложно преодолеть. Постепенный процесс ассимиляции позволяет им познакомиться с особенностями новой культуры, а также научиться следовать им. Но социальное, внешнеповеденческое принятие чужой культуры не всегда свидетельствует о личном, внутреннем комфорте. Преодоление дискурсивных границ, ведущее к трансформации чужого в свое, можно считать законченным, когда личность осуществляет такой переход на уровне как социального Я, так и Я внутреннего.

Литература и источники

- Брежна И.* Неблагодарная чужестранка. М.: Эксмо, 2014.
- Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом // Логос. М., 1995. № 6.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Соч. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
- Диспозиция «свой – чужой» в культуре: монография* / под. ред. А.С. Кравца (ответственный редактор), В.Т. Титова, Е.Н. Ищенко, Л.И. Гришаевой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007.
- Захарова Е.П.* Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998.
- Колосов С.А.* Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
- Куликова Л.В.* Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004.
- Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.
- Лотман Ю.М.* «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Учен. записки / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1982. Вып. 576.
- Уфимцева Н.В.* Русские – свои или чужие: взгляд европейцев // Бытие в языке: сб. науч. тр. к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.
- Шитлов А.В.* «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004.

- Bausinger H.* Das Bild der Fremde in der alltagskultur // Universitas 43, 2, H. 9. Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1988.
- Bootzin R.R.* Psychology today: An introduction / R.R. Bootzin, G.H. Bower, J. Crocker, E. Hall. Seventh edition. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991.
- Brezna I.* Die undankbare Fremde. Berlin: Verlag Galiani, 2012.
- Chilton P.* Analysing political discourse: Theory and practice. London: Routledge, 2004.
- Chilton P., Schäffner C.* Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2002.
- Galasin'ska A., Galasin'ski D.* Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2003.
- Gudykunst W.B.* Bridging differences: effective intergroup communication. Third edition. London: Sage publications Ltd, 1998.
- Hall E.T.* The hidden dimension. London: Anchor Books Doubleday, 1990.
- Maaz H.-J.* Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR. Berlin: Argon, 1990.
- Riggins S.H.* The research of othering // The language and politics of exclusion: others in discourse / ed. by S.H. Riggins. London: Sage Publications Ltd, 1997. P. 1 – 30.

References

- Brezhna I. Neblagodarnaya chuzhestranka. M.: Eksmo, 2014. 192 s.
- Dispozitsiya «svoi – chuzhoi» v kul'ture: monografiya / pod. red. A.S. Kravtsova (otvetstvennyi redaktor), V.T. Titova, E.N. Ishchenko, L.I. Grishaevoi. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gos. un-ta, 2007. 257 s.
- Val'denfel's B. Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o chuzhom // Logos. M., 1995. № 6. S. 77 – 94.
- Vygotskii L.S. Myshlenie i rech'. Soch. T. 2. Pedagogika. M., 1982. 504 s.
- Kolosov S.A. Konstruirovaniye sotsial'noi nenavisti v diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2004. 18 s.
- Kulikova L.V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoi i nemetskoi lingvokul'tur: monografiya. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2004. 196 s.
- Leontovich O.A. Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya. M.: Gnozis, 2005. 352 s.
- Lotman Yu.M. «Izgoi» i «izgoynichestvo» kak sotsial'no-psikhologicheskaya pozitsiya v russkoi kul'ture preimushchestvenno dopetrovskogo perioda («svoe» i «chuzhoe» v istorii russkoi kul'tury) // Uchenye zapiski. Tartu: Tart. gos. un-t, 1982. Vyp. 576. S. 110 – 121.
- Ufimtseva N.V. Russkie – svoi ili chuzhie: vzglyad evropeitsev // Bytie v yazyke: sb. nauchn. trudov k 80-letiyu V.I. Zhel'visa / pod nauch. red. d-ra filol. nauk, prof. T.G. Kuchinoy. Yaroslavl': izd-vo YaGPU, 2011. S. 234 – 238.
- Shipilov A.V. «Svoi», «chuzhie» i drugie. M.: Progress-Traditsiya, 2008. 568 s.
- Shyuts A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom / per. s nem. i angl. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. 1056 s.
- Zakharova E.P. Kommunikativnaya kategoriya chuzhdosti i ee rol' v organizatsii rechevogo obshcheniya // Voprosy stilistiki: Mezhvuz. sb. nauchn. tr. Saratov: izd-vo Sarat. un-ta, 1998. S. 87 – 94.

- Bausinger H. Das Bild der Fremde in der alltagskultur // Universitas 43, 2, H. 9. 1988. S. 946. Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft Stuttgart.
- Bootzin R.R. Psychology today: An introduction / R.R. Bootzin, G.H. Bower, J. Crocker, E. Hall. Seventh edition. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991. 728 p.
- Brezna I. Die undankbare Fremde. Verlag Galiani Berlin, 2012. 140 S.
- Chilton P. Analysing political discourse: Theory and practice. London: Routledge, 2004. 226 r.
- Chilton P., Schäffner C. Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2002. P. 1 – 41.
- Galasin'ska A., Galasin'ski D. Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2003. P. 849 – 863.
- Gudykunst W.B. Bridging differences: effective intergroup communication. Third edition. London: Sage publications Ltd, 1998. 351 p.
- Hall E.T. The hidden dimension. London: Anchor Books Doubleday, 1990. 217 p.
- Maaz H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR. Berlin: Argon, 1990. 243 S.
- Riggins S.H. The research of othering // The language and politics of exclusion: others in discourse / ed. by S.H. Riggins. London: Sage Publications Ltd, 1997. P. 1 – 30.

Detinko Y.I., Mikalauskaite E.Y. (Krasnoyarsk, Russian Federation)
Discursive boundaries of the «Alien» within the space of literature and narration communication

The article considers the opposition «own/alien» in the framework of cross-cultural communication. The material of the study is a German-language novel «Die undankbare Fremde», created by writer Brezhnev, who survived the experience of migration to a foreign country and adapting to a new culture. The narrator in the novel describes his and other people's space by means of mental and speech behaviour lines – discursive boundaries. The role of boundaries between the two cultures is the language level, the attitude to time and space. The difference in cultural and linguistic features, described in the novel, is confirmed by the theory of cultural parameters by E.T. Hall. This intersection can be carried out both at the level of the external social behavior, and on a deeper level – inner emotional «I» narrator describes the discursive boundaries using antonymous vocabulary, metaphors, pronoun deixis.

Key words: *literary and narrative communication, foreignness, “own/alien”, discursive boundary.*

Detinko Yulia Ivanovna – candidate of linguistics, professor assistant. Institute of linguistics and language communication. Siberian Federal University. Phone: 8-962-083-12-08; e-mail: julia_detinko@mail.ru

Mikalauskaite Elizaveta Yuliponasovna – master degree student. Siberian Federal University. Phone.: 8-923-015-05-45; e-mail: emikalauskaite@yandex.ru